

Научная статья

УДК: 343

DOI:10.17323/2072-8166.2023.3.4.33

Научные взгляды В.Н. Кудрявцева: вчера, сегодня и завтра (к 100-летию со дня рождения)¹

**Сергей Александрович Маркунцов¹,
Светлана Вениаминовна Полубинская²**

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, smarkuntsov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8473-7314>

² Институт государства и права РАН, Россия 119019, Москва, ул. Знаменка, 10, svepol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2469-2502>

Аннотация

Статья посвящена творчеству академика В.Н. Кудрявцева — выдающегося ученого-юриста, организатора науки, государственного и общественного деятеля, которому в этом году исполнилось бы 100 лет. Его имя связывают обычно в первую очередь с уголовным правом и криминологией, но круг его интересов был значительно шире. Ему принадлежат исследования в области теории и социологии права, уголовной политики, правовой кибернетики, юридической политологии, юридической конфликтологии. Научные труды ученого всегда посвящались актуальным и малоисследованным проблемам юридической науки, ее перспективным направлениям, продолжающим оставаться такими же и сегодня. В.Н. Кудрявцев существенно обогатил доктрину уголовного права, разработав теоретические проблемы объективной стороны преступления и создав в итоге общую теорию квалификации преступлений. Обращался он и к исследованию проблем кримина-

¹ Авторы включили в название статьи и продолжили скрытую цитату — название одной из книг ученого — изданного незадолго до его смерти сборника рассказов «Вчера и сегодня» [Кудрявцев В.Н., 2006], что, на наш взгляд, отражает не только вехи творческого пути В.Н. Кудрявцева, но и влияние его идей и воззрений на состояние и перспективы решения соответствующих научных проблем сегодняшнего и даже завтрашнего дня.

лизации/декриминализации общественно опасных деяний и моделированию уголовно-правовых норм. Одним из первых он увидел перспективы использования кибернетики в юридической деятельности и показал возможности программирования применения правовых норм. Неоценим вклад В.Н. Кудрявцева в возрождение и развитие отечественной криминологии, создании ее научного фундамента. В работах, посвященных причинам преступности и генезису индивидуального преступного поведения, ученый обращался к одной из главных проблем наук о человеке — соотношении биологического и социального в его развитии. В.Н. Кудрявцев руководил Всесоюзным институтом изучения причин и разработки мер предупреждения преступности, а затем — Институтом государства и права РАН, где способствовал развитию новых направлений юридических исследований, внедрению социологических и математических методов. Впоследствии в должности вице-президента РАН он курировал работу институтов по общественным наукам. Творческое наследие В.Н. Кудрявцева обширно и многообразно и, к сожалению, не в полной мере освоено современными учеными. Отдать дань памяти и напомнить основные, наиболее фундаментальные и абсолютно современные научные идеи В.Н. Кудрявцева — цель авторов настоящей статьи.

Ключевые слова

уголовное право; криминология; правовая кибернетика; генетика и право; квалификация преступлений; криминализация и декриминализация; моделирование уголовно-правовых норм; генезис преступного поведения; научное наследие.

Для цитирования: Маркунцов С.А., Полубинская С.В. Научные взгляды В.Н. Кудрявцева: вчера, сегодня и завтра // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 3. С. 4–33. DOI:10.17323/2072-8166.2023.3.4.33.

Legal Thought: History and Modernity

Research article

Academic Views of V.N. Kudryavtsev: Yesterday, Today and Tomorrow (On Occasion of Centenary Anniversary)

Sergey A. Markuntsov

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 100100, Russia, smarkuntsov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8473-7314>

Svetlana V. Polubinskaya

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka Str., Moscow 119019, Russia, svepol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2469-2502>

Abstract

The article is devoted to academic work of V.N. Kudryavtsev (1923–2014), an outstanding legal researcher, academician, state and public figure, whose centenary is celebrated this year. His name is primarily associated with criminal law and criminology though the range of his professional interests was much wider. He fulfilled researches in theory and sociology of law, criminal politics, legal cybernetics, legal political science, and legal conflictology. His academic works were always dedicated to pressing and insufficiently studied issues of legal science and the promising directions that still retain their potential for the future. V.N. Kudryavtsev significantly enhanced the doctrine of criminal law and elaborated the theoretical aspects of the objective side of crime and created as a result the general theory of crime qualification. He also addressed the subjects of criminalization/decriminalization of socially dangerous acts and modeling of criminal law norms. He was one of the first to recognize the potential of using cybernetics in legal practice and showed the possibilities of computer programming in application of legal rules. V.N. Kudryavtsev's contribution to the revival and development of Russian criminology and creation of its scientific foundation is invaluable. In studies dealing with causes of crime and genesis of individual criminal behavior he also addressed one of the fundamental issues of sciences about humans i.e. the ratio of biological and social in human development. V.N. Kudryavtsev first headed the State Institute for the Study of Causes and Development of Crime Prevention Measures, and afterwards the Institute of State and Law of the Academy of Sciences, where he contributed to development of new areas of legal research and introduction of sociological and mathematical methods. Later, as vice-president of the Academy of Sciences, he supervised the work of academic social sciences institutes. V.N. Kudryavtsev's legacy is extensive and diverse and, unfortunately, not fully appreciated by modern scholars. To pay tribute to his memory and to remind the basic, most fundamental and absolutely up-to-date academic ideas of V.N. Kudryavtsev, that was the purpose of the authors of this article.

Keywords

criminal law; criminology; legal cybernetics; genetics and law; qualification of crimes; criminalization/decriminalization; modeling of criminal law norms; genesis of criminal behavior; academic legacy.

For citation: Markuntsov S.A., Polubinskaya S.V. (2023) Academic Views of V.N. Kudryavtsev: Yesterday, Today and Tomorrow. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 3, pp.4–33 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2023.3.4.33.

Введение

10 апреля 2023 г. исполнилось бы 100 лет выдающемуся российскому ученому-правоведу, академику В.Н. Кудрявцеву. Он является признанным авторитетом, в первую очередь, в области уголовного права и криминологии. Его ставшие классическими монографии, такие как «Объективная сторона преступления» (1960), «Теоретические основы квалификации преступлений» (1963), «Общая теория квалификации преступлений» (1972), «Причинность в криминологии (О структуре ин-

дивидуального преступного поведения» (1968), «Причины правонарушений» (1976), «Стратегии борьбы с преступностью» (2003) не только обогатили доктрину уголовного права и стали теоретической основой отечественной криминологии, но и показали пути и способы реализации разработок юридической науки в правоприменительной практике.

Несмотря на фундаментальный, теоретический характер работ В.Н. Кудрявцева, они всегда имели и прикладное значение, и практическую ценность. Как он отмечал в предисловии ко второму изданию «Общей теории квалификации преступления», «найти верное решение относительно применения той или иной правовой нормы бывает нелегко. Для этого необходимы глубокие теоретические познания... На получение этих знаний и направлено содержание данной работы» [Кудрявцев В.Н, 1999: 3].

Продолжением разработки доктринальных проблем уголовного права и теории криминологии стали коллективные монографии, написанные с участием В.Н. Кудрявцева и под его редакцией: «Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции» (1980), «Механизм преступного поведения» (1981), «Основания уголовно-правового запрета» (1982), «Криминальная мотивация» (1986), «Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования» (1987)². В последней монографии была использована абсолютно новая форма исследования научного материала — формулирование статей Общей части уголовного закона с подробными авторскими комментариями.

В.В. Лунеев отмечает, что «большинство юристов, как правило, считают В.Н. Кудрявцева главным криминологом страны. И это действительно так» [Лунеев В.В., 2014: 53]. Парадокс заключается в том, что во многом заложив основы отечественной криминологии, будучи «главным криминологом», он не стал в полной мере своим среди ученых-криминологов. Такое положение дел объяснимо рядом обстоятельств. С одной стороны, многогранностью тематики исследований В.Н. Кудрявцева и глубиной тех идей и теорий, которые выдвигал ученый (на наш взгляд, еще многие его уголовно-правовые и криминологические идеи остаются до конца не оцененными, а некоторые не востребованными³). С другой

² Не ставя перед собой задачу перечисления полного перечня даже монографических работ В.Н. Кудрявцева по уголовному праву и криминологии, отметим, что основная часть трудов ученого по этим наукам была написана на первых двух этапах его творческого пути (если исходить из периодизации, предложенной А.М. Яковлевым, который второй этап связывает с научным наследием ученого 1963–1985 гг.).

³ Так, например, К.А. Сыч пишет, что «академик В.Н. Кудрявцев выдвинул интереснейшую в научном и практическом отношении идею о путях разрушения элементов состава преступления средствами уголовной юстиции. По его мнению, одним из основных средств разрушения элементов состава преступления является уголовное наказание.

стороны, — кризисными» явлениями в современной отечественной криминологии, где классическая школа криминологии (последователем которой он, безусловно, являлся) осталась в стороне на фоне новых школ, направлений и течений в рамках этой науки.

Круг интересов академика В.Н. Кудрявцева не ограничивался уголовным правом и криминологией. По замечанию П.В. Крашенинникова, «В.Н. Кудрявцев всячески призывал правоведов расширить горизонт юриспруденции, используя достижения других наук» [Крашенинников П.В., 2020: 194]. Так, ученый писал, что «весьма важно осмыслить более общие взаимосвязи между поведением человека, правовой надстройкой общества и такими социальными процессами, как экономическое и культурное развитие общества, движение населения, изменение общественной психологии и т.д.» [Кудрявцев В.Н., 1980: 99].

В этом смысле не удивительно, что его наследие включает также труды по теории и социологии права, юридической политологии и юридической конфликтологии, правовой кибернетике. К таким работам относятся, в частности, монографии «Право и поведение» (1978), «Правовое поведение: норма и патология» (1982), «Закон, поступок, ответственность» (1986), «Социальные деформации» (1992), «Равноправие и равенство» (2007). Нельзя не назвать и коллективные работы с его участием — «Эффективность правовых норм» (1980), «Социальные отклонения» (1984, 1989), «Юридическая конфликтология» (ч. 1–2, 1993–1994).

Библиография В.Н. Кудрявцева включает около 600 научных работ, обзорных и научно-популярных статей, текстов докладов и выступлений, а также рецензий. Сюда следует добавить и примерно сотню книг других авторов, изданных под его редакцией и с его предисловиями, а также учебники уголовного права и криминологии, в которых он был автором и ответственным редактором [Зенкевич И.Ф. 1996: 16–74]; [Лунеев В.В., 2013: 124]; [Савенков А.Н., Чучаев А.И., 2023: 14].

Перечисленные труды В.Н. Кудрявцева и монографии, в написании которых он участвовал, составляют лишь малую часть его научного наследия, сохранившего актуальность и востребованность до сегодняшних дней. При этом он был не только ученым, но и организатором науки, государственным и общественным деятелем.

С 1969 по 1973 г. он возглавлял Всесоюзный институт изучения причин и разработки мер предупреждения преступности, в 1973 г. стал директором Института государства и права Академии наук СССР, ко-

---

К сожалению, эта идея, высказанная в самой общей форме, не получила дальнейшего развития и, как представляется, главным образом потому, что не было осуществлено системное исследование уголовного наказания». См.: [Сыч К.А., 2001: 286].

торым руководил до 1989 г. В 1974 г. В.Н. Кудрявцев был избран членом-корреспондентом, а в 1984 г. — действительным членом Академии наук СССР.

Как исследователь В.Н. Кудрявцев обладал незаурядными качествами. У Владимира Николаевича была редкая способность продуктивно работать даже в короткие перерывы между решением административных вопросов или общественной деятельностью. Он умел писать о сложных предметах простым, ясным и точным языком, раскрывая содержание понятий, которыми он оперировал, и строго структурируя свое исследование. Ученого отличало умение посмотреть на проблему сверху, увидеть ее в целом, но со всеми составляющими. Его мысль — и это прослеживается как по его опубликованным трудам, так и по его устным докладам и выступлениям — двигалась от общего к частному, от постановки и формулировки исследуемой проблемы последовательно к вопросам, требующим изучения и освещения, а от них — к интегративным аргументированным выводам. Как пишет В.В. Лунеев, «Кудрявцев склонен был не только к интегративному мышлению, которое позволяло делать новые значимые выводы, но и к краткости, точности и однозначности выражения» [Лунеев В.В., 2013: 124].

Как руководитель В.Н. Кудрявцев был требовательным, но в равной мере требовательным он был и к себе. Добросовестность и ответственное отношение к работе, в том числе к качеству публикаций он проявлял сам и этого же требовал от сотрудников. Работа с Владимиром Николаевичем и под его руководством была великолепной школой не только для усвоения стандартов исследований в юридической науке, но и как пример отношений с коллегами. «Как личность, как человек, обладавший целеустремленным сильнейшим характером, он всегда показывал нам [своим ученикам и — добавим — не только им] пример истинного служения Науке», — писала его ученица О.Л. Дубовик [Дубовик О.Л., 2013: 596].

1. Объективная сторона преступления и квалификации преступлений

А.В. Наумов в контексте анализа уголовно-правовых взглядов В.Н. Кудрявцева справедливо относит работы, посвященные исследованию объективной стороны состава и квалификации преступлений, к числу «наиболее важных в его теоретическом наследии» [Наумов А.В., 2013: 1152].

Специальные исследования, посвященные комплексному теоретическому анализу объективной стороны преступления, стали появляться в доктрине советского уголовного права лишь в конце 1950-х — начале

1960-х годов. Сначала в виде переведенной на русский язык монографии Йоахима Реннеберга «Объективная сторона преступления». Монография В.Н. Кудрявцева с аналогичным названием, изданная в 1960 г. по сути стала первым в советской доктрине значительным по объему специальным исследованием объективной стороны преступления [Кудрявцев В.Н., 1960]. Интересен тот факт, что авторы указанных монографических исследований придерживались различных подходов даже в определении объективной стороны преступления. Если Й. Реннеберг определял объективную сторону акта преступного поведения как совокупность характеризующих его объективных обстоятельств [Реннеберг Й., 1957:18], т.е. в статике, то В.Н. Кудрявцев рассматривал этот элемент преступления в динамике — как процесс. Он полагал, что «объективная сторона преступления есть механизм общественно опасного и противоправного посягательства, анализируемый с точки зрения внешних форм его развития и отрицательного воздействия на охраняемые законом социалистические общественные отношения» [Кудрявцев В.Н., 1960: 11]. Заслуга ученого в разработке этого базового для квалификации элемента состава преступления⁴ состоит не только в том, что он сформулировал общепринятое его определение, но также в выделении этапов, характеризующих объективную сторону преступления [Савенков А.Н., Чучаев А.И., 2023: 17], в «фундаментальной разработке теории причинной связи», детальном изучении вопроса «соотношения объективной и субъективной сторон преступления» [Наумов А.В., 2013: 1152], которые были впервые проведены в рамках советского уголовного права. Исследование В.Н. Кудрявцевым вопросов объективной стороны преступления стало значимым этапом и в определенном смысле предпосылкой в разработке теории квалификации.

Н.К. Семернева обоснованно указывает, что «начиная с брошюры А.А. Герцензона, изданной в 1947 г., вопросы квалификации исследуются в научных статьях, учебной и монографической литературе [Траинин А.Н., 1957]; [Левицкий Г.А., 1962: 141–145 и др.]. *Автором* (курсив наш — С.М., С.П.) общей теории квалификации по праву считается академик В.Н. Кудрявцев, опубликовавший последовательно три монографии, посвященные теоретическим основам и общей теории квалификации преступлений [Кудрявцев В.Н., 1963]; [Кудрявцев В.Н., 1972]; [Кудрявцев В.Н., 1999]» [Семернева Н.К., 2008: 7–8]⁵.

---

⁴ Об объективной стороне преступления и объективной стороне состава преступления см.: [Савенков А.Н., Чучаев А.И., 2023: 16].

⁵ Отметим, что исследование вопросов объективной стороны преступлений явилось этапом в разработке теории квалификации преступлений.

Первая из обозначенных, фундаментальная работа ученого по квалификации преступлений была издана по итогам его одноименной диссертации доктора юридических наук. При этом В.Н. Кудрявцев не остановился на достигнутом, а продолжил разработку данной проблематики. Уже в 1972 г. вышла в свет схожая по объему с предыдущей новая работа «Общая теория квалификации преступлений», в которой ученый не только развил и дополнил⁶ обозначенные ранее идеи по вопросам квалификации преступлений, как настоящий скульптор отсекая лишние (смежные, вторичные) вопросы, но также существенно перестроил материал, по сути, заложив фундамент, каркас данной теории. Работа была снабжена значительным количеством рисунков и схем, которые, с одной стороны, упрощали, с другой, существенно популяризировали сугубо научную концепцию, каковой для того времени была теория квалификации преступлений. Более того, несмотря на монографический формат работы, после каждой главы содержались вопросы и упражнения, подчеркивающие правоприменительную направленность изучаемой теории.

Необходимо отметить, что В.Н. Кудрявцев проявил научную смелость уже на уровне определения базового понятия теории — квалификации преступлений. Н.Ф. Кузнецова и ряд других ученых обращали внимание на то, что «А.А. Герцензон, автор первой в отечественном уголовном праве монографической работы о квалификации преступлений, писал: «Квалификация преступлений состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [Герцензон А.А., 1947: 4]... В монографии 1972 г. автор фундаментальных работ о квалификации преступлений академик В.Н. Кудрявцев определял квалификацию как «установление *и юридическое закрепление* (курсив наш — С.М., С.П.) точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления [Кудрявцев В.Н., 1972: 7–8]» [Кузнецова Н.Ф., 2007: 7]. Подобное, схожее по базовым аспектам определения квалификации преступления было дано В.Н. Кудрявцевым и в изданной ранее монографии⁷, т.е. ученый последовательно отстаивал позицию, что сущность квалификации преступления состоит не толь-

---

⁶ В данной работе появилась, например, самостоятельная глава «Изменение квалификации», в рамках которой были рассмотрены такие вопросы как квалификация при изменении уголовного закона и квалификация при изменении фактических материалов дела. См.: [Кудрявцев В.Н., 1972: 320–349].

⁷ По мнению ученого, следует «определить квалификацию преступления как установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [Кудрявцев В.Н., 1963: 8].

ко в установлении, но и в юридическом оформлении результата квалификации. Научная смелость В.Н. Кудрявцева проявилась в том, что он вступил в дискуссию на базовом понятийном уровне со своим научным руководителем — выдающимся ученым, одним из корифеев советского уголовного права А.А. Герцензоном. Одновременно с научной смелостью в этом проявилась и научная прозорливость ученого, который не боялся ставить и предлагать решение наиболее важных теоретических и практически значимых проблем⁸.

Отметим, что монографии В.Н. Кудрявцева являлись на протяжении длительного времени фактически единственной основой преподавания будущим юристам появившихся в советский период спецкурсов по квалификации преступлений. Основополагающими они остаются и сегодня, по прошествии уже 60 лет с момента выхода в свет первой из рассматриваемых работ.

За это время опубликованы и продолжают появляться многочисленные учебные издания, посвященные теории квалификации преступлений. Действительно, отдельные вопросы, например, такие, как алгоритм квалификации, система правил квалификации преступлений в рамках Общей части теории, вопросы квалификации отдельных видов преступлений в рамках ее Особенной части⁹ получили развитие и углубленное рассмотрение, но при этом сущностных новелл в фундамент этой теории — в вопросы понятия, видов, характеристику процесса квалификации, ее логических и юридических основ и пр. — не внесено.

Оценивая значение указанных работ В.Н. Кудрявцева для доктрины и практики уголовного права, А.М. Яковлев указывал, что «в этих работах он показал, что применение уголовного закона к конкретному случаю может и должно основываться не на интуиции и тем более не на произволе следователя или судьбы, а на строгом логическом анализе нормы закона и фактических обстоятельств дела. Впервые было доказано, что процесс квалификации в принципе поддается логико-математическому программированию, в том числе и с использованием компьютерной техники» [Зенкевич И.Ф., 1996: 8].

---

⁸ Дискуссия о сущности квалификации преступлений, являясь одна из базовых (четырёх-пяти) групп разногласий, выделяемых учеными в связи с определением соответствующего понятия, актуальна и в настоящее время.

⁹ Отметим, что данные вопросы рассматриваются не вполне систематизированно: как правило, ученые анализируют особенности квалификации отдельных, выбранных ими, групп преступлений. Например, Л.Д. Гаухман — квалификацию хищений чужого имущества и вымогательства [Гаухман Л.Д., 2005: 320–451], Н.К. Семернева — квалификацию преступлений против жизни [Семернева Н.К., 2008: 192–289], В.С. Савельева — квалификацию убийства, причинения вреда здоровью и преступлений против собственности [Савельева В.С., 2008: 63–78].

В свою очередь А.В. Наумов обращает внимание на значительное количество «по-настоящему серьезных работ, посвященных, к примеру, проблемам конкуренции норм и множественности преступлений, которое «выросло» из этих монографий и что некоторые правила квалификации, сформулированные академиком, вошли близко к тексту не только в постановления Пленума Верховного Суда (как Союза ССР, так и российского), но даже и в уголовный закон (УК РФ), хотя бы, например, правила о конкуренции общей и специальной норм» [Наумов А.В., 2013: 1153].

Таким образом, В.Н. Кудрявцев, начав в науке уголовного права с частнопредметной концепции, стал основоположником теории¹⁰, которая во многом вышла за границы соответствующей отрасли права, оформившись в виде (перейдя в разряд) самостоятельной для преподавания общепризнанной юридической дисциплины, послужила катализатором разработки и развития ряда иных уголовно-правовых проблем, а также решения сходных вопросов правовой теории в рамках иных отраслей права¹¹ и приобрела по сути междисциплинарный характер.

2. Правовая кибернетика

Еще одной областью интересов академика В.Н. Кудрявцева была правовая кибернетика. В 1959 г. при Президиуме АН СССР был создан Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» во главе с академиком А.И. Бергом. В Научном совете была организована секция «Кибернетика и право», которой руководил Д.А. Керимов, а позже А.Р. Шляхов [Максимова О.Д., 2021: 192–193].

В 1965 г. состоялось первое координационное совещание юристов, где обсуждались направления использования кибернетики в праве и был выработан проект плана исследовательских работ по использованию кибернетики в правовой науке на 1965–1967 гг. [Шляхов А.Р., 1967: 8]; [Гаврилов О.А., 1967: 305–311]. В докладе на совещании тогдашний руководитель секции А.Р. Шляхов указал основные направления исследо-

---

¹⁰ По признанию ученого, место общей теории квалификации преступлений в системе Общей части науки уголовного права и в учебниках должно быть в разделе «Уголовный закон»: «Общая теория квалификации преступлений есть часть этого раздела, ибо в ней изучаются проблемы конструкции закона, правил его применения, затрагиваются вопросы толкования и уяснения его смысла и др.» [Кудрявцев В.Н., 1999: 29].

¹¹ Общеизвестным, в том числе со стороны ученых иной отраслевой принадлежности, является факт, что разработка методологических основ по сути процесса юридической квалификации в целом произошло именно в рамках науки уголовного права. Об этом, напр., см.: [Серков П.П., 2012: 28] и др.

ваний по применению кибернетических методов в праве и деятельности юридических учреждений: использование возможностей кибернетики в правотворческой деятельности и решении конкретных правовых задач; накопление и анализ статистических данных; использование методов и средств кибернетики в области судебной экспертизы; в подготовке и переподготовке юридических кадров — введение программированного обучения в юридических учебных заведениях [Шляхов А.Р., 1967: 9–18]; [Гаврилов О.А., 1967: 306].

В свою очередь В.Н. Кудрявцев (заместитель руководителя секции «Кибернетика и право») в своем докладе подчеркивал принципиальное значение работы по применению кибернетики в праве, которая должна «постепенно приводить юристов — и не только юристов — к выводу, что право — это точная наука, основанная на закономерностях, как и другие науки» [Гаврилов О.А., 1967: 310].

В 1960-х–1970-х гг. издавались сборники статей по правовой кибернетике, проводились всесоюзные симпозиумы. К примеру, на IV симпозиуме работали три секции: «Применение вычислительной техники для поиска нормативных материалов», «Применение вычислительной техники в криминологии и конкретно-правовых исследованиях» и «Применение вычислительной техники в криминалистике и судебной экспертизе», на которых было представлено около 70 докладов и сообщений [Шляхов А.Р., 1973: 5–6]. В.Н. Кудрявцев был одним из первых, кто увидел в этом научном направлении большие перспективы¹². Он начал с попытки применения кибернетических методов к процессу квалификации преступлений, хотя ими не ограничился¹³.

Еще работая во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности В.Н. Кудрявцев проанализировал статей УК РСФСР, предусматривающих ответственность за хищения социалистического имущества, и разработал алгоритм квалификации этих преступлений [Шляхов А.Р., 1967: 10]. «Технику» составления программы квалификации на примере названных преступлений он подробно разобрал в статье «О программировании процесса применения норм права» [Кудрявцев В.Н., 1967: 89–93].

Ученый ограничился только этапом выбора необходимой правовой нормы, юридические признаки которой следует сопоставить с факти-

---

¹² Одной из первых работ ученого по данной проблематике является брошюра «Кибернетика в борьбе с преступностью», изданная в 1964 г. См.: [Кудрявцев В.Н., Эйсман А.А., 1964].

¹³ К примеру, В.Н. Кудрявцев использовал кибернетическую метафору «черного ящика» при характеристике действия причин преступного поведения («входы») в отношении конкретных актов такого поведения («выходы») [Кудрявцев В.Н., 1968: 116–118].

ческими обстоятельствами совершенного деяния, понимая невозможность программирования (на тогдашнем уровне вычислительной техники) всех без исключения этапов применения норм уголовного права. Так, он отмечал невозможность программирования на стадии анализа фактических обстоятельств дела и ненужность «программировать завершающий этап — принятие решения по конкретному делу и издание акта, его закрепляющего» [Кудрявцев В.Н., 1967: 86].

При этом В.Н. Кудрявцев указывал на трудности, возникающие при программировании, и в отношении избранной им стадии квалификации преступлений из-за недостатков законодательной техники, в частности, неполноты и несогласованности отдельных положений уголовного закона, а также по причине обязательности раскрытия содержания используемых юридических понятий. Трудности появляются прежде всего с бланкетными признаками диспозиций уголовно-правовых норм, содержание которых зависит от содержания нормативных актов, относящихся к иным отраслям права, и может корректироваться в связи с их изменениями. Проблемы могут порождать и оценочные понятия, широко используемые в уголовном законе и не всегда имеющие однозначное толкование в теории уголовного права и правоприменительной практике [Кудрявцев В.Н., 1967: 95–99].

Сегодня, когда идет дискуссия о формах использования искусственного интеллекта в юридической деятельности и выражаются опасения, что он вытеснит человека из юридической профессии, важно помнить, как В.Н. Кудрявцев понимал смысл использования кибернетических методов в этой области. Он справедливо исходил «из того, что все они [программы] предназначены для творческого использования. Это программы для людей, а не для механизмов. *Поскольку право есть живое социальное явление, применять его может и должен только человек* (курсив наш — С.М., С.П.)» [Кудрявцев В.Н., 1967: 99]. Именно поэтому в другой статье «Эвристические приемы при квалификации преступлений» [Кудрявцев В.Н., 1973: 69–84] ученый обратился к вопросу: чем мышление человека отличается от «мышления» машины при решении правовых задач?

Для ответа на этот вопрос в октябре-декабре 1967 г. была проведена серия экспериментов. Были взяты две группы юристов-практиков — 75 следователей прокуратуры и 230 бывших следователей, а в качестве контрольной использовалась группа студентов МГУ (17 чел.) и группа научных работников высшей квалификации (8 чел.). Им предложили две задачи в немного отличающихся формулировках по Особой части уголовного права — одна по разграничению хищения социалистической собственности и злоупотребления служебным положением, вторая по разграничению умышленного убийства и умышленного тяжкого те-

лесного повреждения, повлекшего смерть¹⁴. По фабулам дел надо было принять решение о квалификации. Решение фиксировалось магнитофонной записью или стенограммой, если задача решалась устно, либо давалось в письменной форме с подробной мотивировкой и описанием всех этапов рассуждений.

В.Н. Кудрявцев понимал алгоритм применения норм права как сеть или лабиринт со всеми возможными альтернативами рассуждения, требующий большого количества нужных для принятия решения проб. По его расчетам, для всех преступлений, предусмотренных уголовным кодексом, должно быть проведено более тысячи проб. Включение дополнительных признаков (стадии преступной деятельности и соучастие) увеличивает их число до двух тысяч, учет совокупности преступлений «будет предусматривать не менее 10 тыс. проб, а если сюда добавить смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, то это число увеличится в 10–15 раз» [Кудрявцев В.Н., 1973: 70].

В ходе экспериментов проверялись следующие основные гипотезы:

«опытный юрист искусственно сокращает во время своего размышления над уголовным делом число шагов от начала лабиринта до решения, подразумевая некоторые звенья и совершенно не проверяя их»;

нет стандартного построения алгоритмов при возникновении различных версий и «вместо одного общего алгоритма квалификации в сознании опытного юриста-практика создаются разные варианты программ». Одна берет начало с объекта преступления, другая — с его субъективной стороны, «в зависимости от того, какой путь ему кажется короче и эффективнее в связи с особенностями данного случая» [Кудрявцев В.Н., 1973: 71].

Результаты не только подтвердили выдвинутые гипотезы, но и показали дополнительные особенности мыслительной деятельности юристов-практиков при решении предложенных им задач. К примеру, при решении первой задачи участники экспериментов начинали свои размышления «с разных звеньев логической сети (лабиринта)», а фактически — с опознания типа задачи. Так, 40% испытуемых задавались вопросом, присвоил ли субъект какие-либо материальные ценности, 35% — является ли субъект должностным лицом, 15% — была ли у него корыстная цель, и 5% — законно ли он действовал в целом [Кудрявцев В.Н., 1973: 73–76].

При решении задач в письменной форме выяснилось, что очевидные для участников звенья не привлекали их внимания, связи квалификации

---

¹⁴ Названия преступлений приводятся по статьям УК РСФСР, действовавшего во время проведения экспериментов.

со смежными составами преступлений отсекались, выявилось и влияние привходящих обстоятельств, связанных с формулировками поставленных задач, в частности, с нейтральностью их изложения или добавлением в текст отрицательных эмоций [Кудрявцев В.Н., 1973: 77–82].

Автор установил, что при квалификации преступлений основные эвристические приемы «состоят в использовании специальных алгоритмов “опознания типа задачи” и в перестройке основного алгоритма квалификации» [Кудрявцев В.Н., 1973: 82], в частности, за счет сокращения числа звеньев в рассуждении. Время решения сокращалось, чему способствовал в том числе имевшийся у участников экспериментов опыт принятия подобных решений. Использование таких приемов не было безошибочным [Кудрявцев В.Н., 1973: 78, 80], но путь к решению оказывался короче, чем при использовании формального алгоритма, основными достоинствами которого являются надежность и точность. Отсюда В.Н. Кудрявцев делал вывод о необходимости сочетать в практической деятельности юристов «полезные эвристические приемы со строгими формальными алгоритмами» [Кудрявцев В.Н., 1973: 83]. Эту важную мысль не стоит упускать из виду всем специалистам, работающим над созданием искусственного интеллекта и размышляющим о его применении.

Статья, о которой идет речь, была написана В.Н. Кудрявцевым полвека назад. Она начиналась с утверждения: «Вопрос о возможности программирования процесса применения норм права сейчас уже не является дискуссионным» [Кудрявцев В.Н., 1973: 69]. Однако дискуссии продолжаются и сегодня, когда законодательное оформление получает широкое применение информационно-коммуникационных технологий и активно обсуждается создание искусственного интеллекта и его внедрение в юридическую деятельность. В связи с этим стоит вспомнить, что еще в 1960-х гг. в нашей стране появились юристы, занимавшиеся правовой кибернетикой, и одним из первых был В.Н. Кудрявцев. К сожалению, оставленное им богатейшее наследие в области правовой кибернетики не изучается и в программу обучения будущих юристов не входит, видимо, как музейные артефакты прошлого века, хотя современные задачи в области искусственного интеллекта и все более усложняющихся информационно-коммуникационных технологий, в частности, виртуальной метавселенной требуют таких знаний.

3. Криминализация и моделирование уголовного закона

Наряду с собственно уголовно-догматическими, но нацеленными на правоприменительную практику вопросами, связанными с квалифика-

цией преступлений, в сферу научных интересов В.Н. Кудрявцева входили и проблемы уголовной политики, в том числе криминализация/декриминализация общественно опасных деяний и моделирование уголовного закона. Взгляды ученого нашли отражение в ряде преимущественно коллективных работ, изданных под его редакцией, а впоследствии — и в индивидуальной монографии, посвященной основополагающим вопросам борьбы с преступностью [Кудрявцев В.Н., 2003].

Еще в 1982 г. вышла в свет известная среди специалистов в области уголовного права работа «Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация» [Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М., 1982]; во введении к ней говорилось, что «эта книга — об основаниях уголовно-правового запрета, о том, что именно запрещено уголовным законом под страхом наказания, о сложном комплексе общественных факторов и явлений, которые вызывают к жизни принятие, отмену или изменение уголовного закона» [Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М., 1982: 5].

В.Н. Кудрявцев выступил прежде всего автором первой главы «Криминализация как способ осуществления уголовной политики», где проанализировал понятие уголовной политики и формы ее реализации, став одним из первых советских ученых, ставших у истоков выработки категориального аппарата для исследования этого правового явления в его современном понимании, а также криминализации в процессе правотворчества и в правоприменительной деятельности. В одном из параграфов другой главы ученый обратился к вопросу об оптимальных моделях криминализации — подходах к формулированию статей уголовного закона. Он проанализировал возможные конструкции диспозиции новой уголовно-правовой нормы (минимальный и максимальный варианты ее построения) и ее санкцию, сделав ряд интересных выводов. Он полагал, что «санкция, по прагматической модели, должна быть, как правило, относительно-определенной». По его наблюдению, «идеальная модель санкции для той или иной уголовно-правовой нормы оказывается существенно различной в зависимости от того, когда и кем она предложена», поскольку в общественном мнении бытуют представления о необходимости усиления наказания, а «в среде специалистов — криминологов и юристов достаточно устойчиво мнение о нецелесообразности строгих наказаний и их бесперспективности» [Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М., 1982: 247–249].

Затронутые в том же параграфе научные предпосылки криминализации В.Н. Кудрявцев подробнее рассмотрел в одноименной статье в сборнике «Криминология и уголовная политика» [Кудрявцев В.Н., 1985]. В частности, он писал о том, что для законодательного решения об отнесении того или иного поведения к преступному и наказуемому, необ-

ходимо последовательно рассмотреть по меньшей мере четыре вопроса, а именно: а) существует ли потребность (необходимость) в законодательном запрещении подобных действий; б) допустимо ли это запрещение в рамках существующей общественной и правовой системы; в) осуществимо ли оно с практической точки зрения; г) полезно ли (целесообразно ли) запрещение с учетом комплекса всех иных социальных, политических, психологических и т.п. обстоятельств [Кудрявцев В.Н., 1985: 105].

Потребность в запрете, его допустимость, практическая осуществимость и целесообразность¹⁵ — это четыре составляющие научных предпосылок криминализации. В.Н. Кудрявцев детально осветил систему факторов и обстоятельств, раскрывающих содержание таких предпосылок, придя к выводу, что оценка большинства этих факторов требует развернутых исследований [Кудрявцев В.Н., 1985: 107–108].

Подобные исследования, к сожалению, так и не были проведены, а сформулированные В.Н. Кудрявцевым научные предпосылки криминализации, способные служить азбукой уголовного законотворчества, так и не были в должной мере усвоены законодателем. Анализ результатов новеллизации УК показывает, что аспекты допустимости, осуществимости, как и важнейшие группы факторов, характеризующих совокупную оценку целесообразности введения нового уголовно-правового запрета, по существу на современном этапе уголовного нормотворчества не анализируются. Пояснительные записки к законопроектам часто ограничиваются указанием на потребность в запрете и довольно кратким обоснованием. Тогда как потребность в запрете, его допустимость, осуществимость, а главное — целесообразность должны обосновываться и постоянно оцениваться, причем не только в процессе правотворчества, но и в ходе правоприменения как необходимые и достаточные критерии для «ревизии» УК.

В ходе анализа предпосылок криминализации В.Н. Кудрявцев обращал внимание и на то, что в действительности правовые запреты долж-

---

¹⁵ Целесообразность запрета (пожалуй, наиболее сложная научная предпосылка криминализации), по выражению В.Н. Кудрявцева, — это «цена» запрета с учетом ряда внешних факторов и обстоятельств. Число этих факторов, по мнению ученого, велико; кроме того, они не одинаковы в разных категориях дел. В самом общем виде к ним относятся: возможные и побочные последствия запрета (например, ослабление производственной или социальной активности, уход квалифицированных специалистов из данной сферы производства и т.п.); ожидаемая социально-психологическая реакция граждан, должностных лиц, а также юридического персонала; экономическая оценка системы мероприятий, которые связаны с предстоящим запрещением деяния; дальнейшие перспективы борьбы с данным деянием как в социальном, так и в правовом аспектах (продолжительность действия нового акта во времени, потребность в изменении ранее принятых правовых актов и т.п.) [Кудрявцев В.Н., 1985: 107].

ны вводиться с большой осторожностью и в весьма ограниченных пределах [Кудрявцев В.Н., 1985: 108]. Очевидно, современный законодатель не придерживается этой рекомендации. Так, только за неполные 25 лет действия УК РФ его Особенная часть дополнилась 128 новыми статьями, увеличившись ровно на 50% по сравнению с первоначальной редакцией, а количество запретов, формально определяемых по количеству санкций, выросло за обозначенный период с 531 до 973, т.е. примерно на 83%. В настоящее время их количество еще больше возросло.

К сожалению, четкие и ясные «рецепты» криминализации, сформулированные В.Н. Кудрявцевым еще в начале 1980-х гг., до сих пор законотворческой практикой не востребованы.

Своеобразным итогом исследования криминализации/ декриминализации и моделирования уголовного закона стала коллективная монография «Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования» [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987], которая, по замыслу авторов, изучает изложенную тему в форме теоретической модели Общей части уголовного кодекса научную концепцию перспективного развития советского уголовного права, во многом ставшая таковой для становления уголовного права России и стран СНГ. Как указано во введении к монографии, «речь идет именно о научном произведении, которое не имеет и не может иметь в силу своей теоретической природы какого-либо нормативного, обязательного значения» [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987: 4]. Монография стала тем редким случаем, когда исследование теории уголовного права было использовано при подготовке Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г., и действующего УК 1996 г. [Келина С.Г., 2015: 120–132], она оказала и продолжает оказывать существенное влияние на развитие уголовного законодательства и права нашей страны.

Так, в частности, была реализована идея выделения «специального раздела модельного уголовного кодекса, посвященного принципам... Речь идет об основных идеях, руководящих началах, на которых основана борьба с преступностью средствами уголовного права. Указанные принципы должны исходить из социальных, экономических и политических черт [в тексте: социализма. — С.М., С.П.]... Уголовный кодекс современного этапа развития [в тексте: социализма. — С.М., С.П.] должен представлять собой документ, последовательно отражающий во всех своих положениях принципы [в тексте: социалистического. — С.М., С.П.] уголовного права, наиболее важные идеи уголовной политики нашего государства» [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987: 9, 8].

Справедливости ради отметим, что в Теоретической модели был предложен гораздо более широкий перечень принципов уголовного ко-

декса¹⁶ по сравнению с тем, который впоследствии был включен в УК РФ (ст. 3–7). Но некоторые из сформулированных и не нашедших своего отражения в тексте уголовного закона принципов были восприняты, например, при конструировании УИК (в частности, принцип демократизма), в отношении других продолжились дискуссии в науке уголовного права¹⁷. Кроме того, в ст. 8 УК, входящей в гл. 1 «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁸, также была реализована идея Теоретической модели о закреплении положения об основании уголовной ответственности¹⁹.

Одно из концептуальных решений, предложенных коллективом авторов Теоретической модели — определенная декриминализация общественно опасных деяний уже на уровне институтов Общей части уголовного права, — практически в полном объеме реализована в действующем УК. Так, закрепление получили положения, что «приготовление наказуемо не во всех случаях, а лишь в отношении особо тяжких и тяжких преступлений», «наказание за приготовление к преступлению не должно превышать половины санкции, предусмотренной за соответствующее оконченное преступление» [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987: 7, 10] (указанные положения являлись безусловными новеллами для действовавшего в тот период УК РСФСР 1960 г.).

Кроме того, реализованы были предложения по увеличению «фактического применения мер, не связанных с лишением свободы»²⁰, а также

---

¹⁶ Принципы законности, равенства граждан перед законом, личной ответственности, виновной ответственности, неотвратимости ответственности, гуманизма, справедливости ответственности и демократизма, содержание которых раскрывалось в ст. 2–9 Теоретической модели уголовного кодекса были сформулированы непосредственно В.Н. Кудрявцевым. Подробнее см.: [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987: 20–31].

¹⁷ Так, например, И.Э. Звечаровский указывает, что «вряд ли обоснованно законодатель исключил из числа принципов уголовного права такой, как принцип личной ответственности» [Звечаровский И.Э., 2001: 41].

¹⁸ Собственно расположение соответствующей нормы в гл. 1 УК РФ критикуют в доктрине. Так, И.Э. Звечаровский пишет, что «замечание вызывает регламентация в числе принципов положения об основании уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ)... данное положение если и следует закреплять на законодательном уровне, то не в качестве принципа права, а в качестве основания уголовной ответственности в гл. 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности»» [Звечаровский И.Э., 2001: 40–41].

¹⁹ Автором положений ст. 16 «Общие основания уголовной ответственности», расположенной в одноименной гл. 5 Теоретической модели уголовного кодекса, также является В.Н. Кудрявцев. Подробнее см.: [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987: 40–44].

²⁰ Идея расширения перечня наказаний, альтернативных лишению свободы, являлась одной из главенствующих идей, с которой на протяжении практически всей истории существования Кодекса связывались изменения системы наказаний, закреплённой в УК РФ.

разработки новых видов таких мер. Речь идет, например, о введении ограничения свободы с обязательным привлечением к труду в нерабочие дни²¹, о введении краткосрочного ареста как меры уголовного наказания²², о двух формах уплаты штрафа — в точной сумме и в долевом (или процентном) отношении к общей сумме месячного, недельного или дневного заработка²³ — и о некоторых других мерах» [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987: 7].

Еще одна идея авторов Теоретической модели — о «максимальной законодательной регулированности» — в рамках действующего российского уголовного законодательства реализована лишь частично. Так, в частности, не воплощена в жизнь идея специального раздела, «посвященного истолкованию наиболее важных понятий и терминов, употребляемых в тексте кодекса» [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987: 9]²⁴. В то же время были включены в УК, например, нормативные конструкции «психического и физического принуждения, оправданного производственного риска»²⁵.

Многочисленные идеи, содержащиеся в Теоретической модели уголовного кодекса, и полностью или частично нашедшие воплощение в рамках действующего законодательства, можно перечислять долго. Сле-

---

²¹ Напомним, что содержание наказания в виде ограничения свободы в редакции ст. 53 УК РФ, действовавшей до изменений, внесенных в соответствие с Федеральным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ, было схожим с предложенным описанием. См.: Федеральный закон от 27.12. 2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // СЗ РФ. 2009. № 52 (ч. I). Ст. 6453.

²² Даже эта идея нашла отражение в рамках УК в виде существующего на протяжении всей истории действия УК и единственного в настоящее время отложенного вида наказания — ареста, но так и не была реализована на практике.

²³ Дальнейшее развитие эта идея получила в связи с внесенными в соответствии с Федеральным законом от 4.05. 2011 в ч. 2 ст. 46 УК РФ изменениями, закрепившими еще одну альтернативную форму исчисления штрафа — исходя из «размера штрафа исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки» и т.д. См.: Федеральный закон от 4.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2011. № 19. 2714.

²⁴ Однако некоторые ученые периодически возвращаются к этой идее.

²⁵ Предложение о введении указанных обстоятельств, исключаящих преступность деяния, является безусловно новеллой, исходя из того, что УК РСФСР предусматривал всего два таких обстоятельства — необходимую оборону (ст. 13) и крайнюю необходимость (ст. 14). В УК РФ «оправданный производственный риск» был закреплен под более общим названием «обоснованный риск» (ст. 41).

дует отметить, что некоторые из реализованных идей получали развитие посредством новых законодательных решений, не предлагавшихся авторами концепции. Отдельные нереализованные в УК положения восприняты в уголовном законодательстве ряда стран СНГ²⁶, а в России продолжили «жить» в доктрине уголовного права, периодически появляясь в несколько трансформированном виде в качестве предложений по разрешению тех или иных уголовно-правовых проблем. Таким образом, «научное произведение, которое не имеет и не может иметь в силу своей теоретической природы какого-либо нормативного, обязательно-го значения» [Кудрявцев В.Н., Келина С.Г., 1987: 4] уже оказало существенное влияние и продолжает влиять не только на развитие уголовного законодательства России и ряда стран СНГ, но и на постсоветскую доктрину уголовного права.

4. Биологическое и социальное в генезисе преступного поведения

При изучении причин преступности внимание В.Н. Кудрявцева не мог не привлечь вопрос о соотношении социальных и биологических факторов в генезисе преступного поведения. В 1960–х–1970-х гг. проблема социального и биологического в развитии человека в целом обсуждалась в отечественной доктрине [Ломов Б.Ф., Шорохова Е.В., Брушлинский А.В., 1977]. Не оставались в стороне и криминологи, мнения которых нередко не совпадали²⁷. К примеру, одни авторы полагали, что биологические факторы в объяснении причин преступности недооцениваются [Ной И.С., 1975: 87–153], другие же считали, что преступность как явление социальное имеет только социальные причины [Кудрявцев В.Н., 1968: 50–51].

В 1982 г. была опубликована монография В.Н. Кудрявцева, написанная в соавторстве с видным отечественным криминологом И.И. Карпецом и генетиком Н.П. Дубининым «Генетика, поведение, ответственность» [Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н., 1982]. В этой работе «объяснение преступного поведения и понятие “ответственности” впервые сопоставляются с фундаментальными категориями и понятиями науки о человеческой наследственности» [Зенкевич И.Ф., 1996: 10].

²⁶ Например, в ст. 3 «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» УК Казахстана раскрывается содержание более четырех десятков уголовно-правовых понятий. См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3.07. 2014 № 226-V (с изм. и доп. на 20.05.2023) // Ведомости Парламента РК. 2014. № 13. Ст. 83.

²⁷ Дискуссии о причинах преступности с середины 1960-х гг. см., напр.: [Прокумен-тов Л.М., Шекслер А.В., 2014: 53–57].

Поиск биологических причин преступного поведения имеет довольно длительную историю. Она началась в XIX в. работами создателя френологии Ф.И. Галля, соотносившего особенности личности человека с анатомическими признаками его черепа, и основателя антропологической школы в криминологии Ч. Ломброзо, для которого преступник был субъектом, воспроизводящим инстинкты первобытного человека, находившегося на примитивной стадии биологического развития. Он искал анатомические (морфологические) признаки преступника, свидетельствующие о его атавизме, и утверждал, что существуют «прирожденные преступники», генетически предрасположенные к совершению преступлений²⁸.

Позднее биологические маркеры «преступного человека» видели в его физической конституции, особенностях эндокринной системы и уровне отдельных гормонов, недостатке витаминов и т.д. [Schmalleger F., 1999: 194, 198–206]. Однако наибольшее внимание сторонников теорий биологических причин преступности привлекала и продолжает привлекать генетика человека (изучение «преступных» семей, близнецов, носителей хромосомных аномалий).

В книге Н.П. Дубинина, И.И. Карпеца и В.Н. Кудрявцева подробно анализируются подобные исследования и их результаты. В итоге авторы приходят к выводу об отсутствии ясных и определенных выводов «относительно связи генетических факторов с преступностью». Авторы твердо стояли на позиции: «люди не рождаются, а становятся преступниками. Преступление не вытекает из «природы человека», оно есть продукт сложного взаимодействия личности со средой». «Данные генетической науки убедительно свидетельствуют о том, что наследственных социальных программ поведения человека не существует; речь может идти лишь о предпосылках поведения; реализуется же оно посредством социальных механизмов» [Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н., 1982: 150, 167–168, 258].

При этом ученые не отрицали, что в процессе человеческого поведения, в том числе и преступного, действуют как социальные, так и биологические факторы. «Сложный механизм взаимодействия социального и биологического в человеческом поведении не может быть понят без учета как социальных, так и биологических, в том числе, наследственных факторов... Изучение этого механизма позволило бы прийти не только к теоретическим выводам... но и к результатам сугубо практическим...».

---

²⁸ При повторении биометрических исследований Ч. Ломброзо другими авторами, к примеру, сравнение заключенных, в частности, со студентами Кембриджа и Оксфорда, а также военнослужащими, каких-либо различий между ними установлено не было. См.: [Schmalleger F., 1999: 197]; Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е., 1999: 41].

Действительно, от объяснения механизмов преступного поведения зависит и выбор стратегии борьбы с ним. «Если решающую роль играют социальные факторы, то... борьба эта должна иметь прежде всего социальную направленность... Если же все дело в биологии человека, придется изобретать методы медицинского воздействия на преступников, генетического контроля», при котором поиск решений выйдет за пределы права и приобретет, в первую очередь, этический характер [Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н., 1982: 83, 88, 90–94].

Сегодня генетика — одно из самых быстро развивающихся направлений современной биологии, данные исследований которой находят свое применение в других научных областях. Методы генетических исследований совершенствуются, позволяя получать данные, недостижимые во время написания монографии «Генетика, поведение, ответственность». Достаточно упомянуть, что в 2022 г. Нобелевская премия по физиологии и медицине была присуждена С. Паабо, основателю новой науки — палеогеномики — «за открытия, касающиеся геномов вымерших гоминидов и эволюции человека». В 1960-х–1980-х гг. казалось совершенно невозможным, что можно расшифровать геном неандертальца и по генетическому анализу фрагмента фаланги пальца открыть новый вид древнего человека — человека денисовского (денисовца) [Боринская С.А., Маркина Н.В., 2022: 50–53].

Продолжаются и исследования в области поведенческой генетики. Подобные работы направлены на выявление генов или их групп, предположительно влияющих на человеческое поведение. Изучается также и взаимодействия генетических характеристик и окружающей среды²⁹. Современные результаты подтверждают правоту авторов книги, что «соотношение биологического и социального в формировании личности еще не раскрыто во всех своих тонких взаимосвязях» [Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н., 1982: 167].

К примеру, одним из кандидатов на причину агрессивного поведения стал низкоактивный вариант гена MAOA (так называемый «ген воина»). В 1993 г. была обследована большая голландская семья, некоторые мужчины в которой оказались носителями этой мутации. Они отличались умст-

---

²⁹ В исследованиях, использующих статистические методы, изучается наследуемость признаков в группах лиц. Для этого изучаются родственники (близнецы, братья и сестры), семьи и приемные дети с целью установить степень влияния генетических факторов на вариации признака в популяции (quantitative genetics). Другие исследователи сосредотачиваются на выявлении различий в генах, вносящих вклад в вариации признаков или характеристик у различных людей (molecular genetics). Влияние конкретных генов на поведение изучается и у животных. См. подробнее: Nuffield Council on Bioethics. Available at: URL: <https://www.nuffieldbioethics.org/assets/pdfs/Genetics-and-human-behaviour.pdf> (дата обращения: 15.07.2023)

венной отсталостью в легкой степени, агрессивностью, импульсивностью, а часть из них совершили ряд противоправных деяний. Изучавшие эту семью предположили существование связи между низкой активностью гена MAOA и агрессивным поведением, оговорившись, что их гипотеза требует дальнейших исследований [Brunner G. et al., 1993: 578–580].

Другие исследователи установили, что мутация повышает риск анти-социального поведения, если сочетается в детстве с плохим обращением [Caspi A., 2002: 851–854]. Позднее первоначальная гипотеза одними авторами подтверждалась, а другими опровергалась [McSwiggan S. et al., 2017: 17–18].

Другая генетическая аномалия — наличие лишней Y-хромосомы у мужчин (супермужчина) — давно изучалась как фактор риска насильственного поведения, о чем писали Н.П. Дубинин, И.И. Карпец и В.Н. Кудрявцев. В литературе существует обширная критика исследований, проведенных в 1960-х гг. Отмечается, в частности, что они проводились на малых группах при отсутствии контрольной, отбор лиц для изучения проводился по высокому росту, характерному для этой аномалии, и выводы из подобных исследований другими авторами не подтверждались. Напротив, было показано, что антисоциальное поведение порождалось взаимодействием генетической особенности и факторов внешней среды [Schmallegger F., 1999: 207–208]; [Wilson D., 2015: 77–78].

Современные исследователи обращают внимание на необходимость учета целого ряда обстоятельств при использовании результатов поведенческой генетики для принятия решений, имеющих правовое значение [Sabatello M., Appelbaum P., 2017: 290–291]. Первое и, наверное, одно из главных — поведение человека является результатом действия не одного, а многочисленных не до конца выявленных генов, вклад которых в поведение пока не установлен. Далее, поведение человека не определяется только генетикой или только окружающей средой, оно есть результат их взаимодействия, которое не остается неизменным в течение жизни человека. Об этом В.Н. Кудрявцев писал еще в 1968 г.: «Соотношение социального и биологического в поведении человека не является постоянным и одинаковым. Оно различно, во-первых, в разных звеньях причинной цепочки, ведущей к акту сознательного поведения; во-вторых, оно неодинаково в онтогенезе, т.е. в течение развития конкретного организма и жизни индивидуума; в-третьих, это соотношение претерпевает изменения и в филогенезе — развитии человеческого рода в целом» [Кудрявцев В.Н., 1968: 51–52].

Кроме того, исследования в области поведенческой генетики зачастую сосредоточены на негативных и патологических формах поведения человека, но грань между вариантами поведения нормального и откло-

нящегося весьма подвижна и зависит во многом от социального и культурного контекстов. Об этом пишет Я.И. Гишинский, обращая внимание также и на то, что «никто никогда не назвал *ни одного* личностного свойства, признака, качества, присущего *только* «преступнику». Агрессивность, злость, ревность, злопамятство, алчность, грубость, зависть, вспыльчивость могут в разной степени быть присущи самым различным людям, в т.ч. никогда не привлекавшимся к уголовной ответственности» [Гишинский Я.И., 2021: 32, 16–29].

Таким образом, поведенческая генетика пока не располагает достоверными научными данными, которые могли бы быть положены в основу решений, имеющих юридическое значение, в том числе и прогнозировать индивидуальное преступное поведение. В этом смысле книга «Генетика, поведение, ответственность» остается абсолютно современной.

В литературе можно встретить утверждение, что монография Н.П. Дубинина, И.И. Карпеца и В.Н. Кудрявцева, «написанная флагманами тогдашней советской криминологии при поддержке одного из ведущих на тот момент руководителей советской генетики, фактически закрыла «биолого-социальную» дискуссию в отечественной криминологической науке, отдав несомненный приоритет внешней среде в формировании личности преступника» [Бахарев Д.В., 2022: 15]. С этим мнением согласиться трудно. Авторы монографии не стояли на жесткой позиции, которую им приписывает Д.В. Бахарев. Напротив, они рассматривали преступное поведение как результат сложного, не проясненного и сегодня взаимодействия факторов биологических и социальных. Ошибочно, на наш взгляд, определена и причина затухания дискуссий в отечественной криминологии. Снижение их активности вряд ли можно связать с выходом рассматриваемой книги. Скорее, здесь сыграло свою роль отсутствие новых научных данных в области поведенческой генетики, при том, что повторение одних и тех же уже известных аргументов в поддержку той или иной позиции вряд ли могло способствовать развитию криминологической науки.

Заключение

В статье были рассмотрены лишь отдельные направления научных исследований академика В.Н. Кудрявцева, поскольку в рамках одной публикации невозможно полноценно осветить все из них в силу многогранности научных интересов ученого, глубины проработки исследуемых им проблем и обширности его творческого наследия. Авторами были выбраны, по их мнению, наиболее значимые, перспективные для дальнейшего развития науки, и одновременно широко не известные

(правовая кибернетика) и интересные работы ученого. К сожалению, необходимо констатировать, что не все научные взгляды В.Н. Кудрявцева до конца оценены и восприняты научным сообществом. Вместе с тем, труды этого выдающегося ученого, намного «опередившего свое время» и ставшего основоположником в исследовании очень многих юридических и смежных, междисциплинарных проблем, до сих пор продолжают и, безусловно, будут продолжать на протяжении еще длительного времени оказывать влияние на развитие соответствующих научных направлений и наук.

Список источников

1. Академик В.Н. Кудрявцев. Опередивший свое время. Научн. ред. А.И. Чучаев. М.: ИГП РАН, 2023. 576 с.
2. Бахарев Д.В. «Биологическое vs социальное» — реальная или мнимая дилемма отечественной криминологии? (К юбилею книги Н.П. Дубинина, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева «Генетика, поведение, ответственность») // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 4. С. 5–19.
3. Боринская С.А., Маркина Н.В. По физиологии или медицине — Сванте Паабо // Природа. 2022. № 12. С. 50–57.
4. Гаврилов О.А. Всесоюзное совещание по проблемам применения кибернетики в праве / Вопросы кибернетики и право / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1967. С. 305–311.
5. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр Юринфор, 2005. 457 с.
6. Герцензон А.А. Квалификация преступлений. М.: Изд-во ВЮА КА, 1947. 26 с.
7. Гишинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб: Алетейя, 2021. 136 с.
8. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М.: Политиздат, 1982. 304 с.
9. Дубовик О.Л. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Кудрявцева // Право и политика. 2013. № 4. С. 595–596.
10. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 100 с.
11. Зенкевич И.Ф. Владимир Николаевич Кудрявцев / вступ. ст. А.М. Яковлева. М.: Наука, 1996. 115 с.
12. Келина С.Г. Роль Теоретической модели уголовного кодекса в формировании современного уголовного законодательства / Новейшая уголовная политика России: теория и опыт мониторинга / под. ред. С.В. Максимова. М.: ИГП РАН, 2015. С. 120–132.
13. Крашенинников П. Советское право. Итоги. М.: Статут, 2020. 350 с.
14. Кудрявцев В.Н. (отв. ред.) Методологические проблемы советской юридической науки. М.: Наука, 1980. 308 с.

15. Кудрявцев В.Н. Вчера и сегодня: рассказы. М.: Наука-Пресс, 2006. 347 с.
16. Кудрявцев В.Н. Научные предпосылки криминализации / Криминология и уголовная политика / ред. кол.: С.Г. Келина и др. М.: ИГПРАН, 1985. С. 105–108.
17. Кудрявцев В.Н. О программировании процесса применения норм права / Вопросы кибернетики и право / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1967. С. 89–93.
18. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. 352 с.
19. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М.: Юристъ, 1999. 304 с.
20. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Юрид. лит., 1960. 244 с.
21. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М.: Юрид. лит., 1968. 176 с.
22. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003. 352 с.
23. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Юрид. лит., 1963. 324 с.
24. Кудрявцев В.Н. Эвристические приемы при квалификации преступлений / Правовая кибернетика / отв. ред. А.Р. Шляхов. М.: Наука, 1973. С. 69–84.
25. Кудрявцев В.Н., Келина С.Г. (отв. ред.) Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М.: Наука, 1987. 280 с.
26. Кудрявцев В.Н., Эйсман А.А. Кибернетика в борьбе с преступностью. М.: Знание, 1964. 80 с.
27. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Э (ред.) Криминология: учебник. 2-е изд. М.: Юристъ, 1999. 678 с.
28. Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М. (отв. ред.) Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М.: Наука, 1982. 304 с.
29. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: Городец, 2007. 336 с.
30. Левицкий Г.А. Квалификация преступлений (общие вопросы) // Правоведение. 1962. № 1. С. 141–145.
31. Ломов Б.Ф., Шорохова Е.В., Брушлинский А.В. (ред.) Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. 227 с.
32. Лунеев В.В. К 90-летию академика Владимира Николаевича Кудрявцева // Государство и право. 2013. № 4. С. 123–128.
33. Лунеев В.В. Памяти академика Владимира Николаевича Кудрявцева // Закон и жизнь. 2014. № 4. С. 50–54.
34. Максимова О.Д. Деятельность секции «Кибернетика и право» Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР / Экономические и правовые факторы развития общества в контексте цифровой трансформации. Сборник докладов и выступлений Международной конференции. М.: Московский гуманитарный университет, 2021. С. 191–200.
35. Наумов А.В. Уголовно-правовые взгляды академика В.Н. Кудрявцева // Lex Russica. 2013. № 10. С. 1152–1155.
36. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 222 с.

37. Прозументов Л.М., Шекслер А.В. Отечественные научные концепции причин преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 49–58.
38. Реннеберг Й. Объективная сторона преступления. Пер. с нем. М.: Госюриздат, 1957. 88 с.
39. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений. М.: Проспект, 2008. 80 с.
40. Семернева Н.К. Квалификация преступлений. Екатеринбург: Изд-во Уральской государственной юридической академии, 2008. 292 с.
41. Серков П.П. О некоторых правилах правовой квалификации административных правонарушений // Административное право и процесс. 2012. № 1. С. 27–29.
42. Сыч К.А. Уголовное наказание и его состав: теоретико-методологические аспекты исследования: дис. ... д. ю. н. Рязань, 2001. 408 с.
43. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступлений. М.: Госюриздат, 1957. 364 с.
44. Шляхов А.Р. и др. Правовая кибернетика. М.: Наука, 1973. 253 с.
45. Шляхов А.Р. Перспективы использования достижений кибернетики в деятельности юридических учреждений / Вопросы кибернетики и право / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1967. С. 7–19.
46. Brunner G. et al. Abnormal Behavior Associated with a Point Mutation in the Structural Gene for Monoamine Oxidase A. *Science*, 1993, vol. 262, no. 5133, pp. 578–580.
47. Caspi A. et al. Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children. *Science*, 2002, vol. 297, no. 5582, pp. 851–854.
48. McSwiggan S. et al. The forensic use of behavioral genetics in criminal proceeding: case of the MAOA-L genotype. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2017, vol. 50, pp. 17–23.
49. Sabatello M., Appelbaum P. Behavioral Genetics in Criminal and Civil Courts. *Harvard Review of Psychiatry*, 2017, vol. 25, no. 6, pp. 289–301.
50. Schmallegger F. *Criminology Today: An Integrative Introduction*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1999. 624 p.
51. Wilson D. *Genetics, Crime and Justice*. Cheltenham: Edward Elgar, 2015. 260 p.

References

1. Bakharev D.V. (2022) “Biological vs social” — real or imaginary dilemma of Russian criminology? *Vestnik Permskogo instituta Federalnoy sluzhby ispolneniya nakazaniy*=Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, no. 4, pp. 5–19 (in Russ.)
3. Borinskaya S.A., Markina N.V. (2022) On physiology or medicine — Svante Paabo. *Priroda*=Nature, no. 12, pp. 50–57 (in Russ)
4. Brunner G. et al. (1993) Abnormal Behavior Associated with a Point Mutation in the Structural Gene for Monoamine Oxidase A. *Science*, vol. 262, no. 5133, pp. 578–580.
5. Caspi A. et al. (2002) Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children. *Science*, vol. 297, no. 5582, pp. 851–854.

6. Dubinin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N. (1982) Genetics, behavior, responsibility (Nature of antisocial acts and ways to prevent it). Moscow: Politizdat, 304 p. (in Russ.)
7. Dubovik O.L. (2013) To the 90th anniversary of Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev. *Pravo i politika*=Law and Politics, no. 4, pp. 595–596 (in Russ.)
8. Gaukhan L.D. (2005) *Qualification of crimes*. Moscow: Yurinfor, 457 p. (in Russ.)
9. Gavrilo O.A. (1967) Conference on application of cybernetics in law. In: Cybernetics and the law. V.N. Kudryavtsev (ed.). Moscow: Nauka, pp. 305–311 (in Russ.)
10. Gilinskiy Ya.I. (2021) *Postmodern criminology (neo-criminology)*. Saint Petersburg: Aleteyya, 136 p. (in Russ.)
11. Kelina S.G. (2015) The role of theoretical model penal code in shaping criminal legislation. In: Russia's newest criminal policy: theory and experience. S.V. Maksimov (ed.). Moscow: RAN, pp. 120–132 (in Russ.)
12. Krashenninikov P. (2020) *The Soviet law: results*. Moscow: Statut, 350 p. (in Russ.)
13. Kudryavtsev V.N. (1960) *Objective side of a crime*. Moscow: Yurid. lit., 244 p. (in Russ.)
14. Kudryavtsev V.N. (1963) *Theoretical bases for the qualification of crimes*. Moscow: Yurid. lit., 324 p. (in Russ.)
15. Kudryavtsev V.N. (1967) Programing application of legal norms. In: Cybernetics and the law. V.N. Kudryavtsev (ed.). Moscow: Nauka, pp. 89–93 (in Russ.)
16. Kudryavtsev V.N. (1968) *Causality in criminology (structure of individual criminal behavior)*. Moscow: Yurid. lit., 176 p. (in Russ.)
17. Kudryavtsev V.N. (1972) *General theory of qualification of crimes*. Moscow: Yurid. lit., 352 p. (in Russ.)
18. Kudryavtsev V.N. (1973) Heuristic techniques in the qualification of crimes. In: Legal cybernetics. A.R. Shlyakhov (ed.). Moscow: Nauka, pp. 69–84 (in Russ.)
19. Kudryavtsev V.N. (1985) Research background to criminalization. In: Criminology and criminal policy. S.G. Kelina et al. (eds.) Moscow: IGPAN, pp. 105–108 (in Russ.)
20. Kudryavtsev V.N. (1999) *General theory of qualifying crimes*. Moscow: Yurist, 304 p. (in Russ.)
21. Kudryavtsev V.N. (2003) *Crime control strategies*. Moscow: Yurist, 352 p. (in Russ.)
22. Kudryavtsev V.N. (2006) Yesterday and today: short stories. Moscow: Nauka-Press, 347 p. (in Russ.)
23. Kudryavtsev V.N. (ed.) (1980) *Methodology of Soviet legal science*. Moscow: Nauka, 308 p. (in Russ.)
24. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds.) (1999) *Criminology: textbook*. Moscow: Yurist, 678 p. (in Russ.)
25. Kudryavtsev V.N., Eysman A.A. (1964) Cybernetics in the fighting crime. Moscow: Znaniye, 80 p. (in Russ.)
26. Kudryavtsev V.N., Kelina S.G. et al. (1987) *Criminal law. Experience of theoretical modeling*. Moscow: Nauka, 280 p. (in Russ.)
27. Kudryavtsev V.N., Yakovlev A.M. (eds.) (1982) Grounds of criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization. Moscow: Nauka, 304 p. (in Russ.)

28. Kuznetsova N.F. (2007) Qualification of crimes: lectures. V.N. Kudryavtsev (ed.). Moscow: Gorodets, 336 p. (in Russ.)
29. Levitskiy G.A. (1962) Qualification of offences (general issues). *Pravovedeniye*=Jurisprudence, no. 1, pp. 141–145 (in Russ.)
30. Lomov B.F., Shorokhova E.V., Brushlinskiy A.V. et al. (1977) Biological and social in human development. Moscow: Nauka, 227 p. (in Russ.)
31. Luneyev V.V. (2013) To the 90th Anniversary of Academician Kudryavtsev. *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, no. 4, pp. 123–128 (in Russ.)
32. Luneyev V.V. (2014) In memoriam of Academician Vladimir Kudryavtsev. *Zakon i zhizn*=Law and Life, no. 4, pp. 50–54 (in Russ.)
33. Maksimova O.D. (2021) Activities of cybernetics and law section of the Academic Council on Cybernetics. In: Economic and legal factors of society development in the context of digital transformation. Collection of the Academic International Conference papers. Moscow: Humanitarian University, pp. 191–200 (in Russ.)
34. McSwiggan S. et al. (2017) The forensic use of behavioral genetics in criminal proceeding: case of the MAOA-L genotype. *International Journal of Law and Psychiatry*, vol. 50, pp. 17–23.
35. Naumov A.V. (2013) Criminal law views of Academician V.N. Kudryavtsev. *Lex Russica*=Russian Law, no. 10, pp. 1152–1155 (in Russ.)
36. Noy I.S. (1975) *Methodological aspects of Soviet criminology*. Saratov: University Press, 222 p. (in Russ.)
37. Prozumentov L.M., Sheksler A.V. (2014) Domestic concepts of the causes of crime. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykalskogo universiteta ekonomiki i prava*=Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law, no. 1, pp. 49–58 (in Russ.)
38. Renneberg Y. (1957) *Objective side of a crime*. Moscow: Gosyurizdat, 88 p. (in Russ.)
39. Sabatello M., Appelbaum P. (2017) Behavioral genetics in criminal and civil courts. *Harvard Review of Psychiatry*, vol. 25, no. 6, pp. 289–301.
40. Savelyeva V.S. (2008) Basics of qualification of crimes: textbook. Moscow: Prospekt, 80 p. (in Russ.)
41. Savenkov A.N., Chuchayev A.I. et al. (2023) Academician V.N. Kudryavtsev. Moscow: IGPAN, 576 p. (in Russ.)
42. Schmalleger F. (1999) *Criminology today: an integrative introduction*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 624 p.
43. Semerнева N.K. (2008) Qualification of crimes: a manual. Yekaterinburg: Ural State Law Academy Publishing House, 292 p. (in Russ.)
44. Serkov P.P. (2012) Rules of qualifying administrative offenses. *Administrativnoye pravo i protsess*=Administrative Law and Process, no. 1, pp. 27–29 (in Russ.)
45. Shlyakhov A.R. (1967) Prospects for use of cybernetics in legal bodies. In: Cybernetics and the law. V.N. Kudryavtsev (ed.). Moscow: Nauka, pp. 7–19 (in Russ.)
46. Shlyakhov A.R. et al. (1973) *Legal cybernetics*. Moscow: Nauka, 253 p. (in Russ.)
47. Sych K.A. (2001) Criminal punishment and its composition: theoretical and methodological aspects of research. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Ryazan, 408 p. (in Russ.)

48. Traynin A.N. (1957) *General doctrine on the composition of offences*. Moscow: Gosyurizdat, 364 p. (in Russ.)
  49. Wilson D. (2015) *Genetics, crime and justice*. Cheltenham: Edward Elgar, 260 p.
  50. Zenkevich I.F. et al. (1996) Vladimir Nikolayevich Kudryavtsev. Moscow: Nauka, 115 p. (in Russ.)
  51. Zvecharovskiy I.E. (2001) *Modern criminal law of Russia: concept, principles, policy*. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr, 100 p. (in Russ.)
-

Информация об авторах:

С.А. Маркунцов — доктор юридических наук, доцент.

С.В. Полубинская — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Information about the authors:

S.A. Markuntsov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

S.V. Polubinskaya — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 01.08.2023.

The article was submitted to editorial office 13.06.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 01.08.2023.